

Метель О. В. Эволюция «академического сектора» советской исторической науки в 1920—1960-е годы / О. В. Метель // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 271—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289.

Metel, O. V. (2020). Evolution of “Academic Sector” of Soviet Historical Science in 1920s—1960s. *Nauchnyi dialog*, 12: 271-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289. (In Russ.).

УДК 930(470)“1920/1960”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-271-289

ЭВОЛЮЦИЯ «АКАДЕМИЧЕСКОГО СЕКТОРА» СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В 1920—1960-Е ГОДЫ¹

© Метель Ольга Вадимовна (2020), orcid.org/0000-0001-6981-6137, кандидат исторических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» (Омск, Россия), olgametel@yandex.ru.

Анализируется эволюция «академического сектора» советской исторической науки, рассматривается процесс его формирования и последующего развития. Актуальность исследования обусловлена методологическими поисками современной историографии, ориентированной на изучение внутренних механизмов развития исследовательской традиции. Автор выделяет основные этапы построения организационной структуры советской академической исторической науки, опираясь на широкий круг опубликованных и ранее не введенных в оборот архивных документов, а также учитывая новейшие разработки современных историографов. Автор считает, что модель организации исторических исследований в рамках Академии наук СССР формировалась под влиянием дореволюционной традиции и институциональных «экспериментов» первых лет советской власти. В ходе проведенного исследования автор пришел к выводу, что первый этап становления «академического сектора» советской историографии пришелся на 1930-е годы и был связан с формированием «академического центра» — московских институтов Отделения истории и философии АН СССР, второй этап данного процесса завершился в 1950-е годы и предполагал становление «академической периферии» — учреждений исторического профиля филиалов, баз и отделений АН СССР и республиканских академий наук. Автор полагает, что становление «академического сектора» происходило под влиянием внешних (политико-идеологических) и внутренних (научных) факторов.

Ключевые слова: Академия наук СССР; «академический сектор» исторической науки; Отделение исторических наук; Институт истории АН СССР.

1. Вводные замечания

На протяжении последних ста лет история Российской Академии наук неизменно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных историков. Данной теме посвящены многочисленные статьи и монографии, рассматривающие различные сюжеты, связанные с деятельностью данного научно-исследовательского центра [Наука ..., 2003; Vucinich, 1984]. И хотя число подобных публикаций продолжает ежегодно увеличиваться, многие аспекты недавнего прошлого отечественных академических учреждений все еще требуют более детальной реконструкции,

1 Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940—1980-х гг.: опыт институциональной истории».

а их история нередко нуждается в рассмотрении в более широком дисциплинарном контексте, позволяющем определить место того или иного центра в рамках общего «институционального ландшафта» эпохи.

На наш взгляд, сказанное оказывается вполне справедливым и в отношении советской исторической науки, развитие которой невозможно себе представить вне академических структур. Однако если история отдельных учреждений Академии наук СССР, связанных с производством и трансляцией исторического знания, ранее неоднократно привлекала к себе внимание историографов (Археографическая комиссия, Институт истории АН СССР, Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Институт археологии и др.) [Иванова, 1971; Панеях, 1993; Бухарин и др., 2019; Базанов, 2019], то их общая эволюция в контексте трансформаций институциональной структуры советской исторической науки в целом специалистами практически не рассматривалась, а авторы обобщающих историографических работ представляли своим читателям лишь общие сведения о научно-исследовательских центрах исторического профиля, действовавших в СССР в тот или иной период времени [Очерки истории ..., 1966, т. IV, с. 199—270].

Признавая безусловную значимость подобных исследований, в рамках настоящей статьи мы, однако, хотели бы изменить угол зрения на изучаемый предмет и, опираясь на широкий круг исторических источников (делопроизводственная документация учреждений, данные научной хроники, воспоминания ученых-историков и др.), проанализировать основные этапы развития «академического сектора» советской исторической науки (в терминологии отечественных науковедов [Наука ..., 2003, с. 478]), представив последний в контексте общих трансформаций советской научно-технической политики 1920—1960-х годов.

Подобный подход был избран нами отнюдь не случайно. Изучение истории отдельных научных учреждений, связанных с производством и трансляцией исторического знания, безусловно, имеет большое значение для анализа общих направлений развития советской историографии. Более того, детальная реконструкция некоторых событий из истории музеев, комиссий, институтов и иных академических структур, безусловно, может позволить исследователям отказаться от многих стереотипных установок в отношении советской науки, представив подлинные механизмы принятия судьбоносных решений. Однако в то же время попытка обобщить уже накопленный материал и представить некоторые направления эволюции «академического сектора» советской историографии, отличавшегося, в частности, от сектора вузовской исторической науки СССР, по нашему мнению, может быть не менее продуктивной. Так, она не только позволит иначе взглянуть на привычную периодизацию историографического процесса, определяющую переход от одного этапа в развитии советской исторической науки к другому событиями политического характера (Революция и Гражданская война, Великая Отечественная война, «оттепель» и др.), но и будет полезна для новой концептуализации истории исторической науки в СССР, открывая перспективы разработки некоторой модели институциональной организации последней.

2. От историко-филологического отделения к отделению гуманитарных наук: отечественная академическая историческая наука в 1920-е годы

Несмотря на то, что революционные потрясения 1917 года и события Гражданской войны оказали серьезное воздействие на Академию наук, повлияв на ее организационную структуру и кадровый состав, по справедливой оценке современных специалистов, в 1920-е годы отечественная академическая историческая наука во многом сохраняла свой прежний дореволюционный облик, а новые исторические учреждения, появившиеся в ее стенах начиная с 1914 года, были обязаны своим открытием преимущественно самим ученым, которые стремились таким образом или реализовать свои давние творческие замыслы (открытие Кавказского историко-археологического института), или откликнуться на потребности текущего момента (образование Комиссии по изучению племенного состава населения).

К 1917 году основными академическими формами организации научных исследований в области гуманитарных наук являлись комиссии и музеи, выполнявшие преимущественно функции хранения, обработки, изучения и публикации различных исторических материалов. Так, в 1917 году в состав Историко-филологического отделения Академии наук входили Музей антропологии и этнографии, Азиатский музей, Постоянная историческая комиссия, Комиссия по изучению племенного состава населения, а также ряд специальных комиссий, создаваемых для решения конкретных исследовательских задач (например, Комиссия по изданию сочинений академика В. Г. Васильевского, Комиссия по изданию трудов епископа Порфирия, Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем гр. М. М. Сперанского и др. [Басаргина, 2008, с. 234, 238, 263]). В дальнейшем, в 1920-е годы, на волне широко развернувшихся в Советской России «институциональных экспериментов», связанных с поиском новых форм организации исследовательской деятельности, Академия наук стала пополняться новыми структурами, среди которых оказались и переведенные в ее состав ранее независимые научные центры (Археографическая комиссия, Музей палеографии и др.), и созданные по инициативе отдельных лиц научно-исследовательские институты (Яфетический институт). В результате в 1927 году в состав отделения гуманитарных наук Академии наук СССР, действовавшего в соответствии с новым уставом, входили Яфетический институт, Пушкинский дом, Музей антропологии и этнографии, Постоянная историко-археографическая комиссия и некоторые другие научные центры [Академия наук Союза ..., 1927, с. 5].

Ключевыми институтами, осуществлявшими в рамках Академии наук в 1920-е годы собственно исторические исследования, являлись Постоянная историческая и Археографическая комиссии, объединенные в 1926 году в Постоянную историко-археографическую комиссию (далее — ПИАК), в марте 1928 года вновь получившую наименование Археографической (далее — АК). Вплоть до 1930 года АК возглавлял С. Ф. Платонов, а ее основными членами являлись Б. Д. Греков, В. Г. Дружинин, А. Е. Пресняков, Н. П. Лихачев и другие историки «старой школы», в том числе москвичи (А. И. Яковлев, Ю. В. Готье, С. Б. Веселовский и др.) [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1066, л. 144—144 об.]. Как и в дореволюционный период, в первые годы советской власти названные структуры занимались преимущественно

пещенно собиранием, изучением и публикацией различных исторических документов. Так, согласно отчету С. Ф. Платонова за 1926/1927 год, ПИАК было продолжено издание «Полного собрания русских летописей», «Сборника грамот коллегии экономии», «Русской исторической библиотеки» и др., осуществлены разбор и описание коллекции документов Антониева Сийского монастыря, а также проведены работы по составлению «Словаря исторических и юридических терминов» [Академия наук Союза ..., 1927, с. 91—92]. Кроме того, принимая во внимание требования текущего момента, во второй половине 1920-х годов члены ПИАК-АК обратились к разработке таких актуальных в то время исторических сюжетов, как восстание декабристов или история крестьянства на Руси, а также взяли на себя функции подготовки кадров, разработки правил научного описания и издания документов и некоторые другие задачи [Иванова, 1971, с. 413].

3. «Альтернативные» формы «академической» исторической науки в СССР в 1920-е годы

В то же время, на рубеже 1910—1920-х годов, в СССР стали появляться «альтернативные» формы «академической науки», связанные с открытием новых академий и самостоятельных научно-исследовательских институтов. Нередко они создавались по инициативе самих ученых, стремившихся преодолеть недостатки в работе прежних научных учреждений и актуализировать научные изыскания в отдельных предметных областях. Так, в 1919 году благодаря усилиям группы петроградских специалистов во главе с Н. Я. Марром (Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, А. А. Спицын, С. А. Жебелёв и др.) была образована Российская Академия истории материальной культуры (с 1926 года — Государственная Академия истории материальной культуры, далее — ГАИМК), в задачу которой, согласно уставу 1926 года, входила «теоретическая разработка вопросов, относящихся к области этнологии, археологии и истории искусств, а также изучения методов установления взаимоотношения объектов ее исследования с формами общественной жизни в их генетическом развитии» [Устав Государственной Академии ..., 1926, с. 5].

В то же время свой вклад в развитие системы академических учреждений Советской России вносили и представители новой партийной элиты. В 1918 году М. А. Рейснер, М. Н. Покровский, А. А. Богданов и некоторые другие представители бывшей партийной группы «Вперед!» выступили с идеей открытия особой Социалистической (с 1924 года — Коммунистической) академии, которая должна была стать своеобразным «интернационалом научной мысли». В 1920-е годы, пережив ряд весьма серьезных реорганизаций, Коммунистическая академия стремилась стать главным центром нового марксистско-ленинского знания, оказывавшего партии всемерную помощь в деле социалистического строительства и ведущего исследования по широкому спектру гуманитарных и естественных (с 1923 года) наук, в первую очередь, с точки зрения разработки их методологических основ [Метель, 2018].

Если говорить о взаимоотношениях данных центров с Академией наук СССР, за которой еще в 1925 году была признана роль «высшего всесоюзного ученого учреждения» [Постановление ..., 1968, с. 203], то в первое послереволюционное

десятилетие между ними не наблюдалось прямой конфронтации. Хотя по справедливому замечанию М. Дэвида-Фокса, члены Комкадемии, сознательно переворачивавшие идеалы старой академической интеллигенции и настаивавшие на своем превосходстве над прежней наукой, все же «втайне восхищались престижем и авторитетом, которыми обладала Академия наук в Советском союзе и за рубежом» [Дэвид-Фокс, 2020, с. 156]. Более того, как показывают протоколы заседаний и Общего собрания, и отдельных подразделений Коммунистической академии, ее сотрудники прекрасно осознавали недостатки собственной научной работы, которая нередко носила преимущественно декларативный характер.

4. От «академического ковчега» к главному центру советской исторической науки: Академия наук СССР в конце 1920-х — 1930-е годы

Ситуация резко изменилась на рубеже 1920—1930-х годов, когда на волне «культурной революции», призванной подчинить науку задачам социалистического строительства [Наука ..., 2003, с. 577], началось серьезное наступление на «буржуазных исследователей» в СССР. Одним из его итогов стала «советизация» Академии наук, которая постепенно потеряла свою прежнюю относительную автономию и оказалась полностью подконтрольна партии и правительству, рассматривавшим ее как главный «бастион» советской науки, переведенный в 1934 году из Ленинграда в Москву (правда, первоначально лишь в составе учреждений отделения естественных и математических наук) [Академия наук в решениях ..., 2000, т. 1, с. 141].

Оставляя за скобками детали подобных трансформаций, неоднократно освещавшиеся в современной исследовательской литературе [Перчёнок, 1991], отметим, что для советской историографии процесс превращения Академии наук СССР в главный центр исторических исследований в стране оказался наиболее непростым и болезненным. Его первый этап был связан с временным «возвышением» Коммунистической академии и реформированной ГАИМК, сделавших в первой половине 1930-х годов заявку на лидерство на «историческом фронте». В то же время Академия наук СССР, пережившая печально знаменитое «академическое дело» и потерявшая целый ряд историков, уволенных и арестованных в ходе «чисток» рубежа 1920—1930-х годов, казалось бы, утратила свои прежние позиции и, по мысли членов Общества историков-марксистов во главе с М. Н. Покровским, должна была выполнять лишь «вспомогательные функции», связанные с поиском, разработкой и публикацией материала источников [РГАСПИ, ф. 147, оп. 1, д. 30, л. 2]. Последние планировалось закрепить за Историко-археографическим институтом (далее — ИАИ), образованным в стенах Академии наук СССР в 1931 году на месте прежней Археографической комиссии, которая еще в 1929 году подверглась радикальной кадровой (председатель — М. Н. Покровский, заместитель председателя — С. Г. Томсинский) и организационной трансформации [Иванова, 1971, с. 418].

Согласно утвержденному положению, ИАИ должен был собирать, систематизировать, обрабатывать и издавать на основе марксистско-ленинской методологии материалы по истории народов СССР, разрабатывать вспомогательные исторические дисциплины и осуществлять подготовку кадров в указанной предметной области [СПбФ

АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1300, л. 8]. Иными словами, как утверждал Б. Д. Греков, выполнявший функции сначала ученого секретаря, а затем заместителя директора института, ИАИ должен был выполнять археографические функции и заниматься «разработкой» исторических источников [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1357, л. 1 об.], то есть их поиском, обработкой, подготовкой к печати и корректурой. Правда, в отличие от ПИАК и АК, новый институт ориентировался на работу с документами иной тематической направленности. Объединив усилия историков Москвы, Казани, Архангельска и Чебоксар, сотрудники ИАИ, вынужденные внедрить в свою работу принципы планирования, ориентировались на изучение феодализма и крепостничества, истории революционного движения народов СССР и истории рабочих в России (в том числе в рамках изучения «Истории фабрик и заводов»).

Однако инициатива историков-марксистов по ослаблению роли Академии наук СССР как центра изучения прошлого человечества все же не получила последовательного воплощения, и в первой половине 1930-х годов различные академические центры продолжали проводить исследования в данной предметной области. Так, тот же ИАИ, хотя и занимался преимущественно археографической работой, одновременно проводил исследования в области истории феодализма, Музей этнографии, на базе которого в 1933 году был создан Институт антропологии и этнографии, разрабатывал проблемы истории первобытного общества, а проблемы истории народов Востока входили в сферу исследовательского интереса сотрудников Азиатского музея, реорганизованного в 1930 году в Институт востоковедения и др. Более того, в 1933 году на ноябрьской сессии Академии наук было принято решение о создании в стенах данного центра специальной Исторической комиссии (председатель — В. П. Волгин), которая должна была координировать работу различных академических учреждений, занимавшихся историческими исследованиями [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 1, д. 1357, л. 4], и самостоятельно ставить и решать исследовательские задачи в различных областях отечественной и всемирной истории (далее — ИК). Как свидетельствуют официальные отчетные документы, в 1934 году ИК, действовавшая в составе шести отдельных секторов, стремилась рассматривать проблемы истории Запада (генезис и развитие западноевропейского феодализма, история социальных движений и др.), истории народов СССР (колониальная политика царизма, история отдельных народов и др.), истории Востока (разработка монгольских хроник и др.), истории доклассового общества и др. [Отчет ..., 1935, с. 399—402]. И хотя история деятельности данной комиссии оказалась недолгой (она была ликвидирована уже в 1935 году), ее исследовательские и координационные функции в целом были переданы ИАИ, который к 1936 году превратился в научно-исследовательский центр по изучению истории феодализма.

В то же время главные «соперники» академических институций в деле изучения прошлого человечества к середине 1930-х годов, напротив, сужали поле своей исследовательской деятельности. И в первую очередь это было характерно для Института истории Коммунистической академии и его ленинградского филиала, ранее позиционировавших себя в качестве основных советских исследовательских учреждений исторического профиля, проводивших изыскания в рамках широко-

го хронологического, географического и тематического спектра тем и сюжетов, а теперь перешедших к изучению проблем истории послевоенного империализма. Более того, общий поворот партийного курса на «историческом фронте», связанный с восстановлением исторического образования и постепенной реабилитацией историков «старой школы», которых в 1934—1935 годах стали активно привлекать к работе над учебниками для средней и высшей школы, также способствовал укреплению позиций Академии наук. В результате в феврале 1936 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР [Академия наук в решениях ..., 2000, т. 1, с. 216—221] Коммунистическая академия как самостоятельная структура была упразднена, а ее учреждения, в том числе и Институт истории, переданы в состав Академии наук, объединяясь с ее профильными институтами (рис. 1).

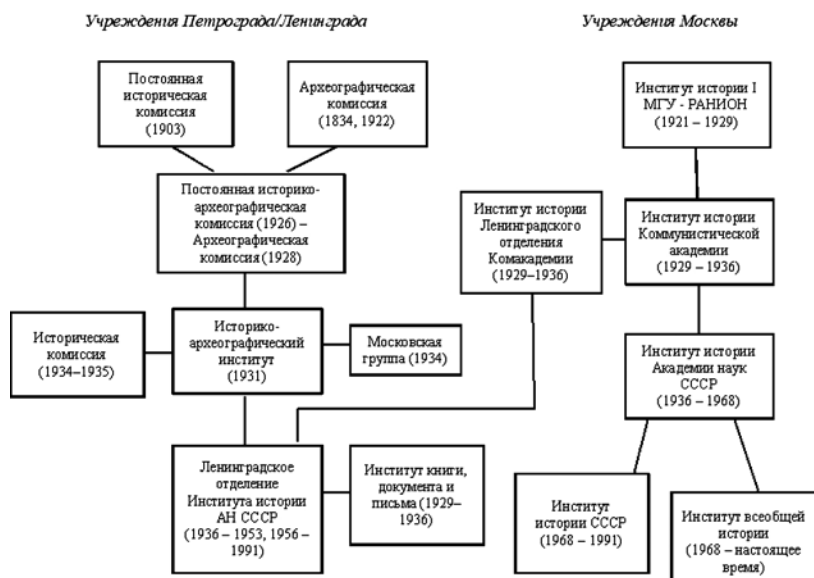

Рис. 1. Эволюция академических учреждений исторического профиля
(на примере Москвы и Петрограда / Ленинграда)

Однако, как справедливо подчеркивает М. Дэвид-Фокс, подобная «победа» Академии наук СССР над Коммунистической академией все же была специфична, а новый центр советской науки воплотил в себе немало черт своей «поверженной соперницы» [Дэвид-Фокс, 2020, с. 169]. Эту точку зрения в полной мере подтверждает и тот факт, что новый Институт истории АН СССР был открыт в Москве, на базе прежнего Института истории Коммунистической академии, и в первые годы он сохранял не только материальную базу данного центра, но и его кадровый состав [Бухарин и др., 2019, с. 1163—1165]. Одновременно академические структу-

ры Ленинграда стали основой для создания Ленинградского отделения Института истории (далее — ЛОИИ) [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 8], который занимал скорее подчиненное положение по отношению к московскому «головному» институту, хотя и нередко обеспечивал его кадрами квалифицированных историков-исследователей. Иными словами, для исторической науки «победа» Академии наук СССР над Коммунистической академией означала скорее «победу» Москвы над Ленинградом, противостояние между которыми в тот период было отчетливо зафиксировано в воспоминаниях некоторых ученых [В России ..., 2010, с. 39].

Впрочем, было бы ошибкой утверждать, что открытие Института истории в Москве автоматически привело к утрате Ленинградом статуса важнейшего центра советской академической гуманитаристики. В довоенный период в бывшей столице Российской империи располагались Институт антропологии и этнографии, Институт востоковедения, Музей истории религии и некоторые другие центры, занимавшиеся в том числе и историческими изысканиями. Более того, ГАИМК, вошедшая в состав Академии наук СССР в 1937 году на правах Института истории материальной культуры (далее — ИИМК), также до войны оставалась в Ленинграде, тогда как в Москве действовало лишь отделение нового института. Радикальные перемены для этих учреждений произойдут или во время войны, или в послевоенный период, когда они также будут переведены в Москву, сохранив в Ленинграде свои отделения, архивы, музейные коллекции и др.

О том, как происходили подобные реорганизации, может свидетельствовать пример Института этнографии. Как мы помним, еще в 1933 году Институт антропологии и этнографии действовал в составе Отделения общественных наук Академии наук СССР (создано в 1930 году). Во время войны он был эвакуирован в Ташкент, где с декабря 1941 года находились многие московские и ленинградские академические институты. И хотя сотрудники эвакуированного учреждения не прекращали свою работу, в 1943 году в Москве под руководством С. П. Толстова, недавно перенесшего ранение и защитившего докторскую диссертацию, была создана самостоятельная группа этнографов [Рабинович, 2005, с. 204—213], которой в дальнейшем предстояло стать ядром уже нового московского Института этнографии. Схожая судьба постигла и ИИМК [Карпюк, 2019], который, по словам сотрудницы ленинградского Института этнографии Э. И. Бломквист, был «скушан Толстовым и москвичами» [«... твои письма — документ незабываемого времени...», 2013, с. 240].

Возвращаясь к истории советской академической исторической науки довоенного времени, укажем, что ключевым учреждением исторического профиля, действовавшим в составе Отделения исторических и философских наук (создано в 1938 году), безусловно, был Институт истории. По характеру своей деятельности это учреждение скорее напоминало Институт истории Коммунистической академии, чем ИАИ. Так, в конце 1930-х годов, несмотря на серьезные трудности в организации повседневной научной работы, связанные как с материальными проблемами, так и с «кадровым голодом» [АРАН, ф. 1577, оп. 5, д. 31, л. 25], не в последнюю очередь вызванным массовыми репрессиями тех лет, перед сотрудниками

Института истории были поставлены весьма амбициозные задачи, предполагавшие, что в ближайшие несколько лет ученые представят новую версию всемирной истории, разработанную на базе марксистско-ленинской методологии. Как говорил Н. М. Лукин, первый директор Института истории АН СССР, «создание всемирной истории, охватывающей историю человечества начиная от первобытного строя и кончая победой социализма в СССР, является сейчас очередной и важнейшей задачей советских историков вообще и Академии наук в первую очередь» [Лукин, 1937, с. 4]. Для эффективного выполнения подобных задач в работу Института были внедрены принципы планирования и контроля научной работы [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 76, л. 38—38 об.], которые, впрочем, оказались не слишком эффективными, и главные советские «метанарративы» тех лет — «Всемирная история» и «История СССР» — не были подготовлены сотрудниками института в установленные для этого сроки [НА ИРИ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 68 а; АРАН, ф. 457, оп. 1 а-1940 г., д. 4, л. 17—19]. Точно так же далеко не всегда и не в полном объеме выполнялись и планы индивидуальной исследовательской работы сотрудников, составляемые ими исходя преимущественно из собственных научных интересов.

5. Центр и периферия: формирование «академического сектора» советской исторической науки в 1940—1950-е годы

Процесс превращения Москвы в главный центр советской академической исторической науки одновременно был связан с возникновением феномена «академической периферии», под которым мы подразумеваем сеть профильных исторических учреждений, действовавших в составе академий наук союзных республик, а также филиалов, баз и отделений Академии наук СССР, выполнявших самостоятельные научные изыскания, но тесно связанных с центральными московскими институтами. Процесс создания подобных структур за пределами сначала Петрограда / Ленинграда, а затем и Москвы начался еще в дореволюционный период, когда Императорская академия наук выступила с инициативой организации отдельных экспедиций, в задачу которых входило изучение той или иной территории. Начиная с 1932 года, по инициативе академического руководства, на месте данных институций начался процесс открытия специализированных филиалов, станций и баз, ориентированных на изучение природных богатств различных регионов страны и представлявших собой одну из форм освоения и «закрепления» территорий. В результате, по данным Г. А. Князева, к 1941 году в составе Академии наук действовало 8 филиалов и 3 самостоятельные научные базы [Князев, 1947, с. 127]. Одновременно с конца 1910-х годов в отдельных союзных республиках стали открываться свои академии наук (Академия наук УССР, Академия наук БССР и др.), возникавшие как «с нуля» (Академия наук Киргизской ССР, Академия наук Эстонской ССР и др.), так и на базе прежних академических филиалов (Академия наук Казахской ССР, Академия наук Таджикской ССР, Академия наук Молдавской ССР и др.) (рис. 2). После окончания Великой Отечественной войны число и филиалов, и баз, и республиканских академий значительно увеличилось, и к началу 1950-х годов они действовали в Коми (1944), Казани (1945), Узбекской ССР (1943),

Эстонской ССР (1946), Туркменской ССР (1951) и др., а в 1957 году, после провала идеи открытия отдельной Академии наук РСФСР в Новосибирске, было образовано особое Сибирское отделение АН СССР [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 722—727], ставшее центром, «объединяющим академиков и членов-корреспондентов Академии наук СССР, ведущих работу в научных учреждениях Сибири и Дальнего Востока» [Уставы ..., 1975, с. 161].

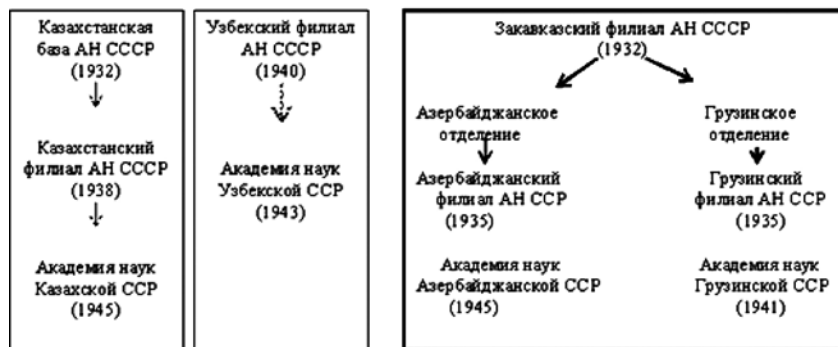

Рис. 2. Эволюция региональных академических структур в СССР
(на примере Средней Азии и Закавказья)

Создаваемые первоначально преимущественно в составе институтов естественно-научного профиля, подобные учреждения постепенно стали располагать и гуманитарными структурами (институты и секторы истории, археологии, литературы и др.), призванными вести исследования в области проблем истории, этнографии и археологии того или иного края. Так, к примеру, гуманитарные институты Академии наук Узбекской ССР осуществляли разработку проблем этногенеза народов Узбекистана, сотрудники Института истории Латвийской ССР занимались изучением истории Латвии, а члены Института истории, языка и литературы Карело-финского филиала АН СССР вели исследования в области истории Карелии и финно-угроведения. Итогом их изысканий в данном направлении становились преимущественно обобщающие коллективные труды по истории республики или края, такие как «История Казахской ССР» (1943), «История народов Узбекистана» (1947—1950), «Очерки по истории Башкирской ССР» (1956) и др., а также учебные издания, связанные с локальной тематикой. Недаром, официальные отчеты гласили, что в 1950-е годы все профильные институты республиканских Академий наук работали над подготовкой историй своих республик [Волков, 1953, с. 130]. В 1950-е годы к этим темам добавились и другие сюжеты, связанные с изучением на местном материале истории Великой Отечественной войны и Октябрьской революции [Работа историков ..., 1957, с. 198], а также, в рамках подготовки серии «Народы мира», культуры и быта местных народов [Бем, 1959, с. 199]. И хотя далеко

не всегда работы, подготовленные историками местных отделений, получали положительную оценку со стороны научного сообщества или представителей властных структур (достаточно вспомнить ту волну критики, которая обрушилась во второй половине 1940-х годов на авторов «Истории Казахской ССР» [Абсеметов, 2016]), во многом именно подобные издания позволили заполнить лакуны в освещении тех или иных сюжетов в региональных нарративах и создать целостную версию прошлого народов, вошедших в состав СССР.

Специализация местных академических учреждений возникла отнюдь не случайно. С одной стороны, она отвечала интересам и самих исследователей отдельных республик, получавших возможность работать над изучением проблем, хорошо обеспеченных источниками, и местного партийного руководства, стремившегося к созданию «правильных» версии прошлого своих территории, вписанных в «историю народов СССР». Недаром, по воспоминаниям Н. М. Дружинина, именно обещание А. М. Панкратовой помочь местным историкам в разработке истории Казахстана обеспечило признание эвакуированного Института истории самостоятельной научно-исследовательской организацией [Дружинин, 1985, с. 28].

В то же время подобное «разделение обязанностей» соответствовало и сформировавшейся в советской историографии модели «центр-периферийных» отношений академических учреждений, предполагавшей, что «головной» московский Институт истории АН СССР проводил исследования в рамках широкого спектра тем и сюжетов и одновременно координировал работу специалистов на местах, оказывая им необходимую помощь. На практике это приводило к тому, что руководство московского исторического Отделения участвовало в разработке планов работы республиканских и региональных институтов, заслушивало их отчеты о текущей деятельности, проводило совместные научные сессии, рецензировало научную продукцию историков и др. Более того, в 1950-е годы в Институте истории АН СССР стали формироваться специальные организационные структуры, призванные объединить широкие круги советских специалистов, занимавшихся разработкой той или иной темы, — проблемные группы и научные советы. По сохранившимся свидетельствам, большинство из них работали фактически на добровольных началах, не имея достаточного количества штатных единиц и денежных средств [История в человеке ..., 2011, с. 366], но при этом осуществляли обсуждение научных докладов (в том числе в рамках специальных сессий) и подготовку и публикацию тематических сборников. Если говорить о причинах, обусловивших становление подобной модели организации «академического сектора» советской исторической науки, то, вероятно, стоит обратить внимание на тот факт, что многие местные академические учреждения в момент своего создания сталкивались с серьезными сложностями кадрового характера и действительно нуждались в определенной поддержке со стороны стабильно работающих научно-исследовательских структур. Недаром еще в 1943 году, согласно новому положению об аспирантуре, Академии наук СССР было поручено осуществлять подготовку кадров для научных учреждений во всесоюзном масштабе [Очерки истории ..., 1985, т. 5, с. 48].

6. Реорганизация советских академических учреждений исторического профиля в 1950—1960-е годы

Несмотря на то, что, на наш взгляд, модель *организации* советской исторической науки, в целом, сформировалась к началу 1950-х годов, а ее основными чертами стали государственный контроль над проводимыми исследованиями, плановый и коллективный характер текущей научной работы и строгая иерархическая упорядоченность научных институций, действующих в рамках обозначенной ранее парадигмы «центр-периферия», на протяжении 1950—1960-х годов «академический сектор» советской историографии все же пережил несколько реорганизаций. И хотя они далеко не всегда отражались на механизмах работы научных учреждений и не меняли общий вектор развития исследовательской традиции, до середины 1970-х годов находившейся в состоянии устойчивого роста (кадров, научных учреждений, научной продукции и др.) [Найденов, 1961], мы не можем их не учитывать при изучении данной темы, тем более что единая система исторических научных учреждений, действовавшая в СССР вплоть до 1991 года, как справедливо полагают исследователи, окончательно сформировалась только к концу 1960-х годов, когда, в частности, произошло разделение единого Института истории АН СССР на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории [Очерки истории ..., 1985, т. 5, с. 42].

Основная линия эволюции «академического сектора» советской исторической науки в 1950—1960-е годы была связана с ростом числа профильных научных учреждений и усилением их специализации. Так, в 1953 году на месте Отделения истории и философии (1938—1953 гг.) было создано Отделение исторических наук (1953—1963 гг.) [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 79—80], а затем — Отделение истории (1963—1991 гг.), в рамках которых действовали не только появившиеся ранее институты истории, этнографии, археологии и др., но и новые учреждения, возникшие как по инициативе представителей научного сообщества, так и под влиянием текущих политических обстоятельств: Институт славяноведения (1947 г.), Институт китаеведения (1956—1960 гг.), Институт Африки (1959 г.), Институт Латинской Америки (1961 г.) и др. Более того, по новому Уставу 1959 года, принятому на волне попыток реорганизации Академии наук в послесталинский период, были существенно расширены права Отделений по организации научно-исследовательской работы своих членов [Уставы ..., 1975, с. 159—161].

Одновременно происходило расширение числа учреждений, входивших в состав отдельных академических институтов. Если говорить об Институте истории, то еще во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в составе данного учреждения появились новые секторы и исследовательские группы: группа византиноведения (появившаяся изначально в Ленинграде, а с 1944 года действовавшая в Москве), сектор военной истории (1944 г.), сектор вспомогательных исторических дисциплин (1944 г.) и др. В начале 1950-х годов организационная структура данного научного центра вновь была расширена за счет создания 5 новых секторов и некоторых других институций [Л. П., 1953, с. 127]. Рост научных учреждений Института продолжался и в последующие два десятилетия, когда в его составе

появились новые секторы (методологии истории и др.), проблемные комиссии (по истории исторической науки, по истории земледелия, археографическая и др.), исследовательские группы проблемной и страноведческой направленности (по истории земледелия и крестьянства в России, по истории Франции, по истории Испании, по истории Германии и др.) и научные советы («История Великой Октябрьской социалистической революции», «История исторической науки» и др.), объединявшие, как мы говорили ранее, в своих рядах не только членов Академии наук СССР, но и представителей иных советских научных и образовательных учреждений страны.

Однако, говоря о трансформациях институциональной структуры советской исторической науки в послевоенные годы, было бы некорректно представлять их лишь в качестве поступательной эволюции, обусловленной внутренней логикой развития данной системы, и не принимать в расчет воздействие внешних политико-идеологических факторов. Как удачно показали Н. Ю. Пивоваров и В. В. Тихонов, данные механизмы зачастую дополняли друг друга и обеспечивали реализацию давних планов научного сообщества, как это было, к примеру, в случае с разделением Института истории АН СССР в 1968 году, когда инициативы отдельных ученых, обусловленные соображениями практического толка (повышение эффективности системы управления, решение материальных проблем и др.), получили свое практическое воплощение благодаря столкновениям политико-идеологического характера (конфликт вокруг «даниловского» парткома и «дело» А. И. Некрича) и карьерным устремлениям отдельных специалистов [Пивоваров и др., 2020, с. 184].

Сочетание воздействия на «академический сектор» советской исторической науки внешних и внутренних факторов можно обнаружить и в других событиях, обусловивших его трансформации в послевоенный период. Так, в 1953 году было временно ликвидировано ЛОИИ, что стало своеобразным завершением длительной полосы критики, обрушившейся на московский и ленинградский Институты истории в конце 1940 — начале 1950-х годов, в период борьбы с космополитизмом и «буржуазным объективизмом» [Академия наук в решениях ..., 2010, т. 2, с. 52—59; О научной деятельности ..., 1953]. Однако, как справедливо подчеркивают современные историографы, закрытие ЛОИИ должно рассматриваться нами и в более широкой перспективе, учитывающей как политические столкновения текущего момента (отголоски «ленинградского дела»), так и дальнейшее укрепление Москвы в качестве главного центра советской исторической науки [Панеях, 1993, с. 22—23]. И хотя в 1956 году ЛОИИ вновь приступил к работе, и его организационная структура, и направления работы все же претерпели определенные изменения, уже хотя бы в силу того, что часть сотрудников отделения ранее была переведена в Москву.

Приведенный пример временной ликвидации ЛОИИ, впрочем, был далеко не единственным. В начале 1960-х годов, на волне реформ Академии наук и ее институтов, проводимых по инициативе партийного руководства во главе с Н. С. Хрущевым и ориентированных на «перемещение» части академических институтов в ведение специальных государственных комитетов, были реорганизованы Башкирский, Казанский и Карельский филиалы АН ССР, в составе которых также действовали Институты истории, языка и литературы. Однако, как и в случае с ЛОИИ,

ликвидация данных академических центров была временной: в 1967 году все они были восстановлены в составе Академии наук СССР.

7. Заключение

Завершая наш, безусловно, краткий и схематичный очерк развития «академического сектора» советской исторической науки, мы приходим к выводу, что 1920—1960-е годы стали для него временем становления. И если на рубеже 1940—1950-х годов сформировалась и обрела некоторую устойчивость сама модель организации академической исторической науки в СССР, то к концу 1960-х годов оформилась институциональная структура последней, включавшая в себя некоторое число профильных научно-исследовательских институтов. В целом, все эти процессы соответствовали общему направлению развития науки в СССР, ориентированному на построение «большой науки», которой предстояло стать основой социалистического строительства и освоения территорий [Gascoigne, 2019, p. 176—177]. В случае с советской историографией это означало не только изменение главного центра проведения исторических исследований с Москвы на Ленинград, но и внедрение в работу академических научно-исследовательских институтов, ставших главными организационными единицами новой «империи знания» (в терминологии А. Вучинича), тех элементов, которые ранее были характерны для «экспериментальных» научных структур первых послереволюционных лет, а также создание сети провинциальных академических учреждений, практически не представленных на этих территориях в дореволюционный период.

Источники и принятые сокращения

1. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991 : в 2 т. Т. 1. 1922—1952 / сост. В. Д. Есаков. — Москва : РОССПЭН, 2000. — 591 с.
2. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922—1991 : в 2 т. Т. 2. 1952—1958 / сост. В. Ю. Афиани, В. Д. Есаков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 1279 с.
3. Академия наук Союза советских социалистических республик за десять лет. 1917—1927 / ред. акад. А. Е. Ферсман. — Ленинград : Изд-во АН СССР, 1927. — 235 с.
4. АРАН — Архив Российской Академии наук. Ф. 457 (Отделение истории Российской Академии наук). Оп. 1а-1940 г. Д. 4; Ф. 1577 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 5. Д. 31.
5. Бем Ю. О. План научно-исследовательских работ Отделения исторических наук АН СССР на 1959 год / Ю. О. Бем // Вопросы истории. — 1959. — № 2. — С. 199—208.
6. «В России надо жить долго...» : памяти К. А. Антоновой (1910—2007) / ред. Л. Б. Алаев и др. — Москва : Восточная литература, 2010. — 468 с.
7. Волков С. И. XII сессия Совета по координации научной деятельности Академий наук союзных республик / С. И. Волков // Вопросы истории. — 1953. — № 5. — С. 130—132.
8. Дружинин Н. М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941—1943 гг. / Н. М. Дружинин // В годы войны. Статьи и очерки / под ред. А. М. Самсонова и др. — Москва : Наука, 1985. — С. 25—30.
9. «История в человеке» — академик М. В. Нечкина : документальная монография / ред. Е. Л. Рудницкая, С. В. Мироненко. — Москва : Новый хронограф, 2011. — 1104 с.
10. Л. П. в Институте истории АН СССР // Вопросы истории. — 1953. — № 5. — С. 126—129.

11. Лукин Н. М. Основные проблемы построения всемирной истории / Н. М. Лукин // Историк-марксист. — 1937. — № 3. — С. 3—23.
12. Найденов М. Е. Советская историческая наука накануне XXII съезда КПСС / М. Е. Найденов // Вопросы истории. — 1961. — № 10. — С. 3—24.
13. НА ИРИ РАН — *Научный архив* Института российской истории Российской Академии наук. Ф. 1 (Институт истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 1; Д. 68а; Д. 76.
14. О научной деятельности и состоянии кадров Института истории // Вестник Академии наук СССР. — 1953. — Т. 23, № 4. — С. 77—79.
15. Отчет о деятельности Академии наук Союза советских социалистических республик в 1934 году. — Москва; Ленинград: Б. и., 1935. — 612 с.
16. Постановление ЦИК и СНК СССР о признании Российской Академии наук высшим ученым учреждением Союза ССР // Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): сборник документов / ред. К. В. Островитянов и др. — Ленинград: Наука, 1968. — С. 203.
17. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 147 (Покровский Михаил Николаевич). Оп. 1. Д. 30.
18. Рабинович М. Г. Записки советского интеллектуала / М. Г. Рабинович. — Москва: Новое литературное обозрение; Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства, 2005. — 392 с.
19. Работа историков на местах // Вопросы истории. — 1957. — № 6. — С. 198—205.
20. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Архива Российской Академии наук. Ф. 133 (Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР). Оп. 1. Д. 1066; Д. 1300; Д. 1357.
21. «... твои письма — документ незабываемого времени...»: из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист, 1942—1945 / предисл., коммент. Е. М. Груздевой. — Санкт-Петербург: Реноме, 2013. — 390 с.
22. Устав Государственной Академии истории материальной культуры. — Ленинград: Б. и., 1926. — 26 с.
23. Уставы Академии наук СССР. 1724—1974. — Москва: Наука, 1975. — 206 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абсеметов М. О. Вклад академика А. М. Панкратовой в историческую науку Казахстана / М. О. Абсеметов // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 402. — С. 18—22.
2. Базанов М. А. Отложенная реорганизация: первая попытка разделения Института истории АН СССР (1955—1957) / М. А. Базанов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2019. — № 1. — С. 39—48.
3. Басаргина Е. Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков (Очерки истории) / Е. Ю. Басаргина. — Москва: Индрик, 2008. — 656 с.
4. Бухарин М. Д. Как создавался Институт всеобщей истории АН СССР / М. Д. Бухарин, С. Г. Карпюк // Вестник Российской академии наук. — 2019. — Т. 89, № 11. — С. 1162—1168. — DOI: 10.31857/S0869-587389111162-1168.
5. Дэвид-Фокс М. Пересекая границы. Модерность, идеология и культура в России и Советском союзе / М. Дэвид-Фокс. — Москва: НЛЮ, 2020. — 229 с.
6. Иванова Л. В. Археографическая комиссия 1917—1931 / Л. В. Иванова // Проблемы истории общественного движения и историографии: к 70-летию академика Милицы Васильевны Нечкиной. — Москва: Наука, 1971. — С. 401—418.
7. Карпюк С. Г. ИИМК в Москве, 1943—1945 / С. Г. Карпюк // Российская археология. — 2019. — № 3. — С. 115—121. — DOI: 10.31857/S086960630005675-1.

8. Князев Г. А. Академия наук СССР за 30 лет (краткий хронологический обзор) / Г. А. Князев // Вестник Академии наук СССР. — 1947. — № 11. — С. 117—135.
9. Метель О. В. От «рассадника социалистических идей» к «орудию социалистической реконструкции»: основные этапы эволюции Коммунистической академии / О. В. Метель // Вестник Пермского университета. Серия История. — 2018. — № 2 (41). — С. 136—144. — DOI: 10.17072/2219-3111-2018-2-136-144.
10. Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки : коллект. монография / ред. Э. И. Колчинский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 1040 с.
11. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. Т. 4 / ред. М. В. Нечкина и др. — Москва : Наука, 1966. — 854 с.
12. Очерки истории исторической науки в СССР : в 5 т. Т. 5 / ред. М. В. Нечкина и др. — Москва : Наука, 1985. — 608 с.
13. Панеях В. М. Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР / В. М. Панеях // Вопросы истории. — 1993. — № 10. — С. 19—27.
14. Перчёнок Ф. Ф. Академия наук на «великом переломе» / Ф. Ф. Перчёнок // Звенья. Исторический альманах. — 1991. — Вып. 1. — С. 163—235.
15. Пивоваров Н. «Штатов — изобилье, порядка нет»: к истории разделения Института истории АН СССР в 1968 г. / Н. Пивоваров, В. Тихонов // Российская история. — 2020. — № 3. — С. 173—184. — DOI: 10.31857/S086956870010153-9.
16. Gascoigne J. Science and the State from the Scientific Revolution to World War II / J. Gascoigne. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 250 p.
17. Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970) / A. Vucinich. — Berkeley : University of California Press, 1984. — 484 p.

EVOLUTION OF “ACADEMIC SECTOR” OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE IN 1920s—1960s¹

© Olga V. Metel (2020), orcid.org/0000-0001-6981-6137, PhD in History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Dostoevsky Omsk State University” (Omsk, Russia), olgametel@yandex.ru.

The evolution of the “academic sector” of Soviet historical science is analyzed, the process of its formation and subsequent development is considered. The relevance of the study is due to the methodological searches of modern historiography, focused on the study of the internal mechanisms of the development of the research tradition. The author identifies the main stages of building the organizational structure of the Soviet academic historical science, relying on a wide range of published and previously not introduced into circulation of archival documents, as well as taking into account the latest developments of modern historiographers. The author believes that the model of organizing historical research within the framework of the USSR Academy of Sciences was formed under the influence of the pre-revolutionary tradition and institutional “experiments” of the first years of Soviet power. In the course of the study, the author came to the conclusion that the first stage of the formation of the “academic sector” of Soviet historiography fell on the 1930s and was associated with the formation of the “academic center” — the Moscow institutes of the Department of History and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR, the second stage of this process ended in 1950s and assumed the formation of “academic periphery” — institutions of the historical profile

¹ The publication was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation MK-309.2020.6 “Soviet historical science of the 1940s—1980s: the experience of institutional history”.

of branches, bases and departments of the USSR Academy of Sciences and republican academies of sciences. The author believes that the formation of the "academic sector" took place under the influence of external (political-ideological) and internal (scientific) factors.

Key words: USSR Academy of Sciences; academic sector; Department of Historical Sciences; Institute of History of the USSR Academy of Sciences.

MATERIAL RESOURCES

- Afiani, V. Yu., Esakov, V. D. (eds.). (2010). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro CK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922—1991 (1952—1958)* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VCP(b) — CPSU. 1922—1991 (1952—1958)]. Moskva: ROSSPEN. 2/2. 1279 p. (In Russ.).
- Alaev, L. B., et al. (eds.) (2010). «*V Rossii nado zhit' dolgo...*»: pamyati K. A. Antonovoy (1910—2007) ["One must live in Russia for a long time ...": in memory of K. A. Antonova (1910—2007)]. Moskva: Vostochnaya literatura. 468 p. (In Russ.).
- ARAN — *Arkhiv Rossiyskoy Akademii nauk. (Otdelenie istorii Rossiyskoy Akademii nauk)*. [Archive of the Russian Academy of Sciences. (Department of History of the Russian Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Bem, Yu. O. (1959). Plan nauchno-issledovatel'skikh rabot Otdeleniya istoricheskikh nauk AN SSSR na 1959 god [The plan of research work of the Department of Historical Sciences of the USSR Academy of Sciences for 1959]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2: 199—208. (In Russ.).
- Druzhinin, N. M. (1985). Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941—1943 gg. [Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941—1943 gg.]. In: *V gody voyny. Stat'i i ocherki* [During the war years. Articles and essays]. Moskva: Nauka. 25—30. (In Russ.).
- Esakov, V. D. (ed.). (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro CK RKP(b) — VKP(b) — KPSS. 1922—1991 (1922—1952)* [The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) — VCP(b) — CPSU. 1922—1991 (1922—1952)]. Moskva: ROSSPEN. 2/1. 591 p. (In Russ.).
- Fersman, A. E. (ed.). (1927). *Akademiya nauk Soyuzu sovetskikh sotsialisticheskikh respublik za desyat' let. 1917—1927* [Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics for ten years. 1917—1927]. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 235 p. (In Russ.).
- Gruzdeva, E. M. (ed.). (2013). «... tvoi pis'ma — dokument nezabyvaemogo vremeni...»: iz epistolyarnogo naslediya E. E. Blomkvist, 1942—1945 ["... your letters are a document of an unforgettable time...": from the epistolary heritage of E. E. Blomkvist, 1942—1945]. Sankt-Peterburg: Renome. 390 p. (In Russ.).
- L. P. v Institute istorii AN SSSR [L. P. at the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. (1953). *Voprosy istorii* [Issues of History], 5: 126—129. (In Russ.).
- Lukin, N. M. (1937). Osnovnyye problemy postroeniya vsemirnoy istorii [The main problems of building world history]. *Istoriik-marksist* [Marxist historian], 3: 3—23. (In Russ.).
- NA IRI RAN — *Nauchnyy arkhiv Instituta rossiyskoy istorii Rossiyskoy Akademii nauk. (Institut istorii Akademii nauk SSSR)* [Scientific archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. (Institute of History of the USSR Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Naydenov, M. E. (1961). Sovetskaya istoricheskaya nauka nakanune XXII syezda KPSS [Soviet historical science on the eve of the XXII Congress of the CPSU]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 10: 3—24. (In Russ.).
- O nauchnoy deyatel'nosti i sostoyanii kadrov Instituta istorii [On scientific activity and the state of staff of the Institute of History]. (1953). *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Herald of the Academy of Sciences USSR], 23 (4): 77—79. (In Russ.).

- Otchet o deyatelnosti Akademii nauk Soyuzu sovetsskikh sotsialisticheskikh respublik v 1934 godu* [Report on the activities of the Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics in 1934]. (1935). Moskva; Leningrad. 612 p. (In Russ.).
- Postanovlenie TsIK i SNK SSSR o priznanii Rossiyskoy Akademii nauk vysshim uchenym uchrezhdeniem Soyuzu SSR [Resolution of the Tsik and SNK of the USSR on the recognition of the Russian Academy of Sciences as the highest scientific institution of the USSR]. (1968). In: Ostrovityanov, K. V. (ed.). *Organizatsiya nauki v pervye gody Sovetskoy vlasti (1917—1925): sbornik dokumentov* [Organization of Science in the First Years of Soviet Power (1917—1925): Collection of Documents]. Leningrad: Nauka. 203. (In Russ.).
- Rabinovich, M. G. (2005). *Zapiski sovetsskogo intellektuala* [Notes of a Soviet Intellectual]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p. (In Russ.).
- Rabota istorikov na mestakh [Field work of historians]. (1957). *Voprosy istorii* [Issues of History], 6: 198—205. (In Russ.).
- RGASPI — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii. (Pokrovskiy Mikhail Nikolaevich) [Russian State Archive of Social and Political History (Pokrovsky Mikhail Nikolaevich)]. (In Russ.).
- Rudnitskaya, E. L., Mironenko, S. V. (eds.). (2011). «Istoriya v cheloveke» — akademik M. V. Nechkina: dokumentalnaya monografiya [“History in man” — Academician M. V. Nechkina: documentary monograph]. Moskva: Novyy khronograf. 1104 p. (In Russ.).
- SPbF ARAN — *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy Akademii nauk. (Leningradskoe otделение Instituta istorii Akademii nauk SSSR)* [St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. (Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences)]. (In Russ.).
- Ustav Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kul'tury* [Charter of the State Academy of the History of Material Culture]. (1926). Leningrad. 26 p. (In Russ.).
- Ustavy Akademii nauk SSSR. 1724—1974* [Charters of the USSR Academy of Sciences. 1724—1974]. 1975. Moskva: Nauka. 206 p. (In Russ.).
- Volkov, S. I. (1953). XII sessiya Soveta po koordinatsii nauchnoy deyatelnosti Akademiy nauk soyuznykh respublik [XII session of the Council for the coordination of scientific activities of the Academy of Sciences of the Union republics]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 5: 130—132. (In Russ.).

REFERENCES

- Absemetov, M. O. (2016). Vklad akademika A. M. Pankratovoy v istoricheskuyu nauku Kazakhstana [Contribution of academician A. M. Pankratova to the historical science of Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 402: 18—22. (In Russ.).
- Bazanov, M. A. (2019). Otlozhennaya reorganizatsiya: pervaya popytka razdeleniya Instituta istorii AN SSSR (1955—1957) [Delayed reorganization: the first attempt to split the Institute of History of the USSR Academy of Sciences (1955—1957)]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology], 1: 39—48. (In Russ.).
- Basargina, E. Yu. (2008). *Imperatorskaya Akademiya nauk na rubezhe XIX—XX vekov (Ocherki istorii)* [Imperial Academy of Sciences at the turn of the XIX—XX centuries (Essays on history)]. Moskva: Indrik. 656 p. (In Russ.).
- Bukharin, M. D., Karpyuk, S. G. (2019). Kak sozdavalsya Institut vseobshchey istorii AN SSSR [Foundation of the Institute of world history of the Academy of sciences of the USSR].

- Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 89 (11): 1162—1168. (In Russ.).
- Devid-Foks, M. (2020). *Peresekaya granitsy. Modernost', ideologiya i kultura v Rossii i Sovetskom soyuze* [Crossing borders. Modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union]. Moskva: NLO. 229 p. (In Russ.).
- Gascoigne, J. (2019). *Science and the State from the Scientific Revolution to World War II*. Cambridge: Cambridge University Press. 250 p.
- Ivanova, L. V. (1971). Arkheograficheskaya komissiya 1917—1931 [Archaeographic Commission 1917—1931]. In: *Problemy istorii obshchestvennogo dvizheniya i istoriografii: k 70-letiyu akademika Militsy Vasilievny Nechkinoy* [Problems of the History of Social Movement and Historiography: to the 70th Anniversary of Academician Militsa Vasilievna Nechkina]. Moskva: Nauka. 401—418. (In Russ.).
- Karpyuk, S. G. (2019). IIMK v Moskve, 1943—1945 [The Institute for the history of material culture in Moscow, 1943—1945]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology], 3: 115—121. (In Russ.).
- Knyazev, G. A. (1947). Akademiya nauk SSSR za 30 let (kratkiy khronologicheskiy obzor) [Academy of Sciences of USSR for 30 years (brief chronological review)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences], 11: 117—135. (In Russ.).
- Metel, O. V. (2018). Ot «rassadnika sotsialisticheskikh idey» k «orudiyu sotsialisticheskoy rekonstruktsii»: osnovnye etapy evolyutsii Kommunisticheskoy akademii [From “the hotbed of the socialist ideas” to “the instrument of the socialist reconstruction” main stages of the evolution of the Communist academy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya* [Perm university herald. History], 2 (41): 136—144. (In Russ.).
- Kolchinskiy, E. I. (ed.). (2003). *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitelnye ocherki* [Science and crises. Historical and comparative essays]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 1040 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. et al. (eds.). (1966). *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in USSR]. Moskva: Nauka. 4: 854 p. (In Russ.).
- Nechkina, M. V. et al. (eds.). (1985). *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the history of historical science in the USSR]. Moskva: Nauka. 5: 608 p. (In Russ.).
- Paneyakh, V. M. (1993). Uprazhdenie Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii AN SSSR [Abolition of the Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 10: 19—27. (In Russ.).
- Perchenok, F. F. (1991). Akademiya nauk na «velikom perelome» [Academy of Sciences at the “great turning point”]. In: *Zveniya. Istoricheskiy almanakh* [Links. Historical almanac], 1: 163—235. (In Russ.).
- Pivovarov, N., Tikhonov, V. (2020). «Shtatov — izobilie, poryadka net»: k istorii razdeleniya Instituta istorii AN SSSR v 1968 g. [“The staff is abundant, there is no order again”: on the history of separation of the Institute of history of the Academy of sciences of the Soviet Union in 1968]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 3: 173—184. (In Russ.).
- Vucinich, A. (1984). *Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917—1970)*. Berkley: University of California Press. 484 p.